

© 2017, 2018

**ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
СУЩЕСТВОВАНИЯ**

АДА

**СВИДЕТЕЛЬСТВА
ПЕРЕЖИВШИХ
СМЕРТЬ**

Алексей В. Фомин

Доказательства существования ада. Свидетельства переживших смерть

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7122807

*Доказательства существования ада. Свидетельства переживших
смерть.: Новая мысль; Москва; 2009
ISBN 978-5-902716-16-7*

Аннотация

В основу книги положены свидетельства о посмертных ощущениях людей, переживших клиническую смерть. В настоящее время реанимация достигла таких высот, что стали появляться многочисленные данные о том, что за смертным порогом нас ожидает не только рай, но и ад. Неоценимыми будут обширные материалы об отношении Церкви к истинному предназначению человеческой души. Ведь для верующего человека свидетельства Священного Писания о загробной жизни гораздо важнее, нежели доказательства разума человеческого. Книга представляет несомненный интерес для самого широкого круга читателей. Часть материалов публикуется в России впервые.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	10
«Я не хочу умирать!!!»	10
Первые минуты после смерти	22
«Приучите себя к мысли о смерти...»	29
Смерть – последняя станция или проходная?	42
Правда о смерти	53
Реальность смерти	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

**Составитель
Алексей Фомин
Доказательства
существования
ада. Свидетельства
переживших смерть**

Первое издание этой книги в 2005 году было по благословению Высокопреосвященнейшего архиепископа Иваново Вознесенского и Кинешемского АМВРОСИЯ

Рецензент

1 й проректор Свято Алексеевской Иваново Вознесенской Православной духовной семинарии, кандидат исторических наук, доцент, иерей Алексей Федотов

Второе издание

Доказательства существования ада. Свидетельства переживших смерть

© Фомин А. В. Составитель, 2005.

© ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ», 2005.

© Верстка, оформление, обложка – ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ»

Издательство «НОВАЯ МЫСЛЬ» выражает благодарность православному издательству «Ермей» за предоставление изображения иконы св. Георгия Победоносца для оформления обложки.

Полное или частичное воспроизведение настоящего издания каким-либо способом, включая электронные, механические или магнитные носители, в т. ч. фотокопирование, допускается только с письменного разрешения ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Все права авторов защищены. Все права на издание и название защищены. Переиздание возможно только с письменного разрешения ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Интернет-сайт издательства «НОВАЯ МЫСЛЬ»
www.novm.ru

Предисловие

«Задумывался ли ты когда-нибудь, читатель, о конечной и для всех живущих на земле единственно общей цели всех земных трудов и усилий, всех горестей и радостей, разочарований и надежд, любви и ненависти, добра и зла – всего, словом, того, из чего сплетается терновый венец твоей жизни? Да, полно, знаешь ли ты даже, что это за цель такая? А если и знаешь, то помнишь ли о ней с той вдумчивостью, какой она по важности своей заслуживает?»

Не думаю. Так позволь же мне, читатель мой и брат мой во Христе, напомнить тебе, кто бы ни был ты – народов ли повелитель, иль нищий бездомный, – что для жизни твоей нет иной цели, как смерть, как приготовление к смерти.

О, слово и дело великое и страшное! И как мало на свете людей, кто бы о нем думал!

«Помни час смертный и во век не согрешишь», – взывает к нам святая наша мать Церковь. «Во век не согрешишь!»
Слышишь ли, что

говорит она? Забыли мы об этом для всех неизбежном часе: и во что же грехами своими обратили мы теперь весь окружающий нас мир? Забыли думать о смерти; но она не забыла о нас и с силой ужасающей все больше и яростнее, день ото дня, час от часу все безжалостнее вырывает она из рядов живых свои намеченные жертвы: война, голод, болез-

ни, землетрясения, страшные и внезапные наводнения; общественные и семейные раздоры, доходящие до кровопролитий, в которых сыновья поднимают руку на отцов и матерей, брат на брата, мужа на жен, жены на мужей; междоусобная брань... Льется кровь потоками, и коса смерти пожинает такую обильную жатву, что сердце стынет от холодного ужаса. И, тем не менее, видят все это люди, видят все ужасы смерти, и мало кто думает о смерти. Как будто временно остающиеся в живых, одни они, имеют какой-то, им одним известный залог вечной жизни на земле, и только те, которые умирали, предназначены к смерти.

Нет, друг мой читатель, и тебе, и мне, и всему живущему на земле определено «человекам положено однажды умереть, а потом суд». Не обманывает тебя Богом в тебя наложенное предчувствие вечной жизни: она тебе дана, но только по смерти, как семени, которое «если не умрет, не оживет». Весь вопрос заключен в том: как умереть и как ожить? Умереть ли для вечной жизни в грехе и в муке греха, или же для нескончаемой радости в блаженстве для правды, в вечном созерцании Источника всякой правды Отца светов, Бога Истинного?..

«В чем застану, в том и сужу»... Люта смерть грешников... Страшно грешнику впасть в руке Бога Живого в том вожделенном мире, где лица святых и праведников сияют, как светила!.. Не войдет туда ничто от скверны плоти и духа.

И слышится мне в тиши моего уединения, как враг-диа-

вол нашептывает внимающему речам моим: «Не слушай его! Иди вслед за образованным миром, который уже давно на основании науки и разума отверг все эти басни отжившего свой век христианства. Что имело смысл для темного в младенчестве человечества, то «сознательным» человеком рассеяно, как дым суеверия и невежества. Из рук своекорыстных жрецов алтаря вырвана теперь власть морочить людей угрозой вечной жизни по смерти в вечных муках, предназначенной будто бы для тех, которые рабски не следуют в этой жизни их правилам. Смотри, даже простой народ, и тот уже понял, что он был окован в своей свободе, в свободном своем достоинстве человека, путами жреческой морали, на которой столько веков строилось рабство и угнетение личности во имя какой-то вечности в блаженстве, которой не видал никто, а все видели тиранию немногих над всеми, благополучие и довольство единиц, основанное на нищете, труде и горе миллионов, довольно сказок о Царстве Небесном; нам подай по праву принадлежащее каждому царство земное!»

Знакомые лукавые речи! Кто только не слыхивал их на своем веку, и не только извне, но и в тайниках глубинных своего сердца!.. Но не прельщайся ими, читатель, – они обманут тебя, как обманули и погубили уже многих, – а последуй-ка лучше за мной в ту область, которая зовется миром своего и чужого опыта в духовной жизни, в мир наблюдений и воспоминаний как лично своих, так и тех людей, которые в той области тоже кое-что видели и наблюдали. Ведь и это

тоже наука, но редко кто знает и хочет знать эту науку. Пойдем же, заглянем туда, где над нашим с тобой братом, русским человеком, таким же, как ты и я, уже пронеслось грозное дыхание смерти, где бесшумно, но таинственно и важно совершилось величайшее таинство перехода от жизни временной в жизнь вечную.

Пойдем же за мной туда, пока мы еще с тобой живы, пойдем хоть из простого любопытства!..»¹

Глава 1

Тайна смерти

«Я не хочу умирать!!!»

Было бы величайшей ошибкой думать, что жизнь человека после его смерти заканчивается. «А как это?» – спросите Вы. Вот, лежит человек, не дышит, сердце не бьется. Умер. Был человек – и нет его. Да и действительно, кто может обнаружить жизнь или признаки жизни в холодном трупе? Нет жизни в нем.

Небытие. Самое страшное, что меня пугало в детстве. Побывав однажды на кладбище в Старомихайловке, узнав, что люди умирают, я стал бояться. Бояться умереть. Я не мог понять, что будет со мной потом, после смерти. Где я буду? Гнить в земле? А как же это... Как это все ... неправильно... Меня не будет?! Но... я не хочу умирать!! Я хочу жить вечно!

Теперь я понимаю. Или делаю вид, что понимаю, на самом деле пытаюсь понять и более правильно осмыслить жизнь. А она невероятно коротка. Не успели мы родиться – уже «Изя все», как говорил М. Жванецкий. По статистике средний возраст жизни людей 70 лет. И то не все доживают до

этого возраста. Да и не все время мы отдаем самой жизни – 23 года проводим во сне, 10 лет – безрассудное и безмятежное детство, 10 лет – учеба. $70(23+10+10)=27$. 27 лет нам отдается на жизнь. Мало? Я так тоже считаю. Но, и те самые 27 лет жизни мы зачастую проводим впустую – так, словно смерти никогда не будет. Но она неизбежно приходит и попирает все, чему мы поклонялись в этом мире – красоту, гений, богатство, власть... Она все уравнивает. Человек рождается и умирает с пустыми руками.

Каждый год смерть уносит с лица Земли более 60 миллионов человеческих жизней. Прошла одна минута, а уже около 100 человек оставили мир сей. Ежегодно кладется в Землю около 1,5 миллиона тонн человеческого мяса, костей, крови. И это все разлагается, как никому не нужные отбросы. Так неужели это и все, что остается от «царя природы», homo sapiens, человека разумного, мыслящего существа? За всю жизнь человек получает колоссальные знания. И зачем? Чтобы стать потом удобрением? Пищей для червей? «Да ведь это нелогично!» – скажите Вы. Не может быть такое! Человек – единственное из всех живых существ на Земле, познал и расщепил атом, получив в руки свои неограниченную и страшную энергию, не имея крыльев взлетел в небо, не имея плавников и жабр, быстрее любой рыбы передвигается в воде, наконец, создал суперкомпьютеры, позволившие связать воедино в киберпространстве миллионы подобных себе...

Жизнь и смерть. Величайшее благословление и прокля-

тие во Вселенной.

Но Вы можете мне возразить – насчет благословления это понятно. Рождаемся, живем – это хорошо, это просто прекрасно. А насчет проклятия? За смерть понятно, а вот с жизнью явный перебор. Неужели найдется кто-нибудь, не желающий вечно жить? Нет таких!

Тут уже можно и поспорить. Хорошо живете, да? Это понятно. Хорошо жить можно с радостью. Или в радости. А как насчет того, чтобы жить калекой? Прокаженным? И жить не день, не два – а вечно... Страшно?

Почти любой человек однажды начинает задумываться, что пора. Пора туда. Но куда? Что же там, на темной стороне Луны? Что ждет нас за порогом смерти? Величайшая радость или величайшее проклятье?

На этот вопрос существует несколько мнений. Каждый человек ищет или строит, или выбирает теорию про тот свет, как можно более применимую для себя.

Согласно теории материализма души нет. Стало быть, нет и загробной жизни. Человек ведь умирает. И все. И больше ничего нет от него. Повспоминают его еще немного, а потом и забудут.

Скажу, почему она была такой популярной среди господ материалистов. А потому, что ...

Им преподавали учителя, что впереди – ничего, пустота, гниение, что ни благодарности, ни возмездия за содеянное ждать не приходится. И они принимали эти жалкие идеи, по-

тому что они казались такими простыми, такими очевидными, а главным образом потому, что люди были совсем молоды, обладали прекрасным здоровьем тела и смерть казалась далекой абстракцией. Сотворив зло, всегда есть надежда уйти от наказания, потому что наказать их, как они думают, могут только такие же люди.

Соответственно, так и полагается. Раз нет ни воздаяния за хорошие дела ни возмездия за плохие, значит можно все. И действительно, кто тебя накажет, кто образумит? Ведь наказать тебя могут такие же, как ты. Но им-то тебя за что наказывать? Они же точно такие, как и ты. Ворон ворону глаз не выклюет. Поэтому, можно без труда убить человека, ведь «мертвые не кусаются». Можно пнуть калеку, обидеть слабого человека – он ведь никогда тебе не даст сдачи. Можно, все. Можно дойти уже до такого предела, что мы, поправ такой воистину дивный дар Божий, как материнство, удивили ужасом все и вся, отравив дар сей дивный ядом цинизма, злобы и равнодушия.

Противоречие, которое нас буквально потрясает, состоит в том, что люди, с одной стороны, активно выступают за права человека, а с другой – ратуют за аборт, попирая таким образом жизнь, самое-самое элементарное право – право на жизнь невинного и незащищенного существа. Ужас, да и только. Мы пытаемся отменить смертную казнь, потому что жалко преступника. И в то же время узакониваем убийство ни в чем не повинного существа, нас абсолютно не волнует убие-

ние ребенка, который еще не родился! Мы чувствуем омерзение к убийце, и несем цветы другой, которая уничтожает своего дитя в благообразной обстановке операционной.

Согласно христианской, православной точки зрения «Бог создал два мира: один настоящий, другой будущий, один чувственный, другой духовный, один на опыте, другой в надеждах, один для нас – поприще, другой – место награды, одному быть в борьбе, труде и подвиге, другому – венцы, награды, воздаяния, один сделал морем, другой – пристанью» (Св. Иоанн Златоуст).

Придет такое время, когда будет Страшный суд. Все люди от первого до последнего человека оживут, и вся эта священная могила восстанет и будет вечная весна, новая жизнь.

Как произойдет воскресение мертвых? Это тайна, которая полностью не может быть нам открыта, лишь немного известно из пророческих книг. Но аналогию дать можно. Представьте, что батальон в походе заночевал на лесной поляне. Ночью выпал снег, и при лунном свете эта поляна казалась кладбищем, а каждый спящий солдат – могильным бугорком. Но рано утром дали сигнал подъема, и каждый солдат – могильный бугорок – зашевелился, проснулся и встал. Это только очень приблизительно может изобразить всеобщее воскресение мертвых в день Страшного суда. Так наступит время, и все человечество оживет, люди воскреснут в одно мгновение, люди всех времен и поколений, воскреснут добрые и злые, а те, кто остался – изменятся. Если чело-

век на земле жил с Богом, верил в Него, молился, то в нем сохранилась благодать Духа Святого, и в день Воскресения он оживет для жизни в Боге. «В Воскресение тела христиан прославятся и просветятся по мере благочестия души», – говорит преподобный Макарий Великий. А тот человек, который был духовно мертв и не способен любить Бога и ближних, делать добро, и молиться, и умер без покаяния, – он не воскреснет для вечной жизни, но оживет для вечного мучения, для гееннского огня. Повестка на Страшный суд дается человеку, как только он рождается, и вся земная жизнь – лишь подготовка к ответу, который в день Страшного суда придется дать каждому из нас.

Кстати, любопытный факт. Когда Ньютона спросили, как Бог может воскресить тела человеческие, которые давно истлели, рассыпались в прах, перемешались с землей. Ньютон сделал такой опыт: насыпал в пробирку горсть металлической пыли, смешанную с землей. Затем перемешал. А потом взял магнит, отделил землю от металла и сказал: «Если нам, людям, легко сделать такой опыт, то Богу, Который из небытия в бытие привел весь мир, нет никаких затруднений воскресить мертвых людей».

И вот человек станет бессмертным, в то время у него откроются такие способности памяти, что он будет помнить все свои грехи, которые он совершал. Все откроется в последний день. Мало того! Человек будет знать, сколько людей на земном шаре от первого до последнего, будет знать

как их зовут и кто, когда и какие грехи совершил! Все увидят свои дела, свои мысли, как в зеркале и придут в ужас. Люди скажут: «Горы! Покройте нас!» – но смерти уже не будет. Каждого человека обличит совесть и каждому человеку Бог воздаст по делам его. Что посеешь – то и пожнешь: посеешь пшеницу – пожнешь небесную радость, посеешь полынь – вечную горесть. Жил на земле с Богом – будешь жить с Ним и на небе, жил с сатаной – будешь с ним мучиться в аду.

Что ж есть рай и ад? «Рай, – говорит в своих поучительных словах Илия Минятей, – есть благословенное отечество пра-родителей наших, это любезное пристанище надежды моей, это единственный желанный предмет любви моей, последнее воздаяние веры моей! И кого бы нам спросить, братии – кто бы нам поведал: что такое рай? Спросим об этом двоих богомудрых мужей, которые видели воочию его, это святые апостолы Иоанн Богослов и Павел. Иоанн говорит: «И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога» (Откр. 21, 10)

Но сей город был только образом рая Божия, на который, если бы мы удостоились когда-нибудь взглянуть, то очи наши уверились бы в красоте его, а ум наш бы все-таки не постиг бы, что такое рай. Апостол Павел был восхищен до третьего неба, в самый рай Божий, он видел то, что никогда не видели очи людские, чего не слыхало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим его (1

Кор. 2, 9).

Там он слышал слова, которые на человеческом языке нельзя и рассказать. Два человека видели рай, и они не смогли его постигнуть и описать. Недаром один праведник сказал как-то: «О рай Божий! Мы можем тебя приобрести, но не можем тебя умом нашим постигнуть!»

Христос, Спаситель наш, называет рай жизнью бессмертной и вечной, и радостью бесконечной. «Возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» – говорит Он (Ин. 16, 22) Подумайте сами – что есть здешнее счастье? Мгновение прошло, радость прошла. И на смену мгновения отдыха приходит долгая скорбь. Предположим, тебя не мучает в данный момент проблема питания, пусть у тебя есть много денег, пусть тебя не заботит загрязнение окружающей среды, приближающаяся сессия, но одно заставляет замирать твое сердце время от времени – это страх смерти, ужас небытия.

Положим, ты бы никогда и не умер, но тогда всякое счастье теряет свой смысл. Ты счастлив, но желал бы быть более счастливым, а, следовательно, счастье твое неполное, хоть и бессмертен ты, а все же несчастлив... А как насчет того, чтобы иметь такое счастье, чтобы не бояться смерти, не бояться болезни не знать ни нищеты, ни зависти, ни еще какой-либо актуальной заботы? А вот это и есть жизнь райская, жизнь полная радости нескончаемой, которая никогда не может убавиться, но всегда, во веки веков будет одна и та же,

полная, совершенная. Человеческая душа устроена так, что ничем не может насытиться, а только Богом. Горька и солена океанская вода, но, если бы одна капля росы райской упала в океан – она бы усладила горечь его. Если бы упала в ад, то усладила бы всю его горечь, погасила бы пламень адский, угасила бы все слезы грешников, и ад бы стал раем. Вспомним, кстати, притчу о богаче и Лазаре. Что же просил богач, оказавшись в адском огне, и увидев нищего Лазаря в раю?

– Отче Аврааме! Умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы он омочил конец своего пальца в воде и прохладил язык мой, потому что мучусь я в этом пламени.

Что же сказал ему Авраам? – Чадо! Вспомни, как на земле ты блаженствовал, а Лазарь страдал, ныне же здесь он утешается, а ты – страдаешь. Кроме того, между вами и нами утверждена великая пропасть, которую нельзя перейти ни вам ни нам.

Воистину, страшно становится о мысли, что я попаду не туда. Прямо мороз по коже.

А что же предстоит испытать грешнику, находящемуся в аду? Говоря про ад и адский огонь человек почему-то не испытывает такого трепета, когда речь заходит о рае. А что же там? Что есть геенна?

«Оставь надежду, всяк сюда входящий» (Данте Альегери). Благими намерениями вымощена дорога в ад. И страшный лозунг, висящий на воротах, ведущих в ад, по меньшей мере уничтожает все силы человека, все его стремления, все на-

дежды вырваться оттуда. Как живут праведники, мы имеем небольшое представление. А грешники?

Жизнь душ грешных до всеобщего суда, по учению Православной Церкви, состоит: во-первых, в ясном и подробном осознании грехов, которыми оскорбляли в сей жизни Бога, и угрызений совести, которая там пробудится со всей своей силой. Во-вторых, в мучительном томлении и тоске от того, что их привязанность к плотскому и земному уже не может находить удовлетворения, а к небесному и духовному желание и вкус у них не раскрыты и они уже не могут раскрыть его. В-третьих, в удалении от Бога и святых Его, а вместо того, в сообществе с другими, такими же несчастными душами и особенно со злыми духами, и в других действительных муках ада, что будет, впрочем, только началом и предвкушением вечных мук.

Что же такое ад? Ад – это мрачная, подземная темница, безотрадное место плача, ужаснейшая печь огня неугасимого, где мучаются души грешных людей. Здесь их правосудие Божие будет уязвлять тремя страшными стрелами своего гнева: – раскаянием без пользы, безмерною мукою без малейшей отрады, крайним желанием без надежды, желанием Бога, без надежды на Бога.

Стрела гнева Божия – живое воспоминание о протекшей в грехах жизни, воспоминание горькое, которое производит еще более горькое, но бесполезное раскаяние. Вторая стрела – сама мука гееннская. Итак, собрание всевозмож-

ных и невыразимых мучений ожидает грешников аду. Все яды скорбей собраны в одну чашу, весь пламень огня соединен воедино, все муки вечные в одной минуте. Мучение вечное, без ослабы, без конца. Третья стрела Божия, уязвляющая сердце грешника, это желание без надежды, желание Бога без надежды на Бога. Как бурные волны огромного океана устремляются на скалистый берег, как будто желая затопить весь мир, но потом, ударившись о скалы, разбиваются на тысячу брызг и с пеною возвращаются назад, так и сердце грешников за гробом будет стремиться к Богу, но, встретив Его неизменяемое правосудие, твердое, подобно граниту, будет разбиваться о него, чтобы причинить грешной душе невыразимую скорбь и болезнь.

О, если б эта наша земная жизнь, как скоро она проходит, так же быстро и забывалась! Если бы мы, лишаясь наслаждений, лишались вместе с тем и памяти! Но нет! Что было, то уже нельзя переделать, и нераскаянный грешник никогда не забудет грехов своих. И вечно грехи будут мучить совесть его, вечно он будет раскаиваться, но без пользы, вечно он будет лить слезы, но не омоют они грехов его, нет! Они еще более разожгут пламень мучения. В аду нет покаяния.

Бедная душа моя, грешная! Что ты такое сделала, что мучишься так страшно? В чем ты согрешила, что мучишься тут вечно? Я вкусил каплю меда – и мучаюсь. И что такое было плотское наслаждение, ради которого я отдал имение, жизнь и душу и сердце непотребности? Что, как не капля меда?

А пиры и ликования, игры и потехи? Что это, как не капля меда? А эта сатанинская радость, когда я видел ближнего в несчастье, когда я мстил ему, поносил его из зависти или в злобе – что это было, как не капля меда? И все богатства мои, которые я стяжал беззаконием – что это было? И слава, и знатность, и честь, и покой? Что это было? Ради чего я потерял облик человеческий? Чем я стал?

Кузнецов М. В.

Первые минуты после смерти

*«Кто учит людей умирать,
тот учит их жить».*

М. Монтень

Как мне кажется, большинство наших современников очень мало знают о смерти и не готовятся к ней. Люди не задумываются о том, как происходит умирание и что их ждет после него. А между тем, смерть – единственный для всех путь, от которого никто не может уклониться ни вправо, ни влево, от смерти никто не может отказаться.

В Библии (книге Екклезиаста) есть такая фраза: «И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его» (12, 7).

Мы все идем по одному пути, от которого нельзя откупиться богатством. Сегодня жив, а завтра как будто и не было тебя; сегодня от нас пахнет духами, а завтра смердим; сегодня роскошествуем, а завтра с плачем провожают нас к гробу...

Египет, Рим, Китай держи ты под пятой,
Владыкой мира будь, – удел конечный твой
Ничем от моего не будет отличаться:
Три локтя савана и пядь земли сырой.

– Будь жизнь тебе хоть в триста лет дана —
Но все равно она обречена.
Будь ты халиф или базарный нищий,
В конечном счете – всем одна цена.

– О сердце, твой удел – вовек, не зная сна,
Из чаши скорби пить, испить ее до дна.
Зачем, душа, в моем ты поселилась теле,
Раз из него уйти ты все равно должна?

О. Хайям

«Спрашивают, – писал Л. Н. Толстой – что будет с душой после смерти? Не знаем и не можем знать. Одно верно – это то, что если идешь куда-нибудь, то, наверное, откуда-нибудь вышел. Так и в жизни. Если ты пришел в эту жизнь, то откуда-нибудь вышел. Откуда и от кого вышел, туда или к тому придешь».

Точек зрения на то, что происходит в первые минуты после смерти достаточно много. Давайте познакомимся с тем, что происходит с душой с точки зрения Православия.

Когда умерший понял, что он умер, он все еще смущен, он не знает, куда идти и что делать. Некоторое время его душа остается вблизи тела, в знакомых ей местах. Первые два дня душа сравнительно свободна. Потом она перейдет в иной мир, но в эти первые минуты, часы и дни она может посетить дорогие ей места на земле и людей, бывших ей близкими.

О том, что происходит с душой сразу после ее выхода из умершего тела, пишет архиепископ Антоний Женевский: «Итак, умирает христианин. Душа его, очистившаяся в какой-то степени в самом исходе из тела, благодаря только страху смертному, покидает безжизненное тело. Она жива, она бессмертна, она продолжает жить полнотою той жизни, которую она начала на земле, со всеми своими мыслями и чувствами, со всеми добродетелями и пороками, со всеми достоинствами и недостатками. Жизнь души за гробом есть естественное продолжение и последствие ее жизни на земле». Личность остается неизменной.

Архиепископ Антоний поясняет это такими словами: «Если бы смерть изменяла бы коренным образом состояние души, то это было бы насилием над неприкосновенностью человеческой свободы и уничтожило бы то, что мы называем личностью человека».

После смерти тела душа живет «всей полнотой жизни», и значит, личность будет и дальше развиваться в ту или иную сторону. Архиепископ Антоний развивает эту мысль дальше: «Если умерший христианин был благочестив, молился Богу, надеялся на Него, покорялся Его воле, каялся перед Ним, старался жить по заповедям Его, то душа его после смерти радостно ощутит присутствие Божие, приобщится сразу, в большей или меньшей степени, к жизни Божественной, открытой ей...»

Если же умерший в земной жизни потерял любящего От-

да небесного, не искал Его, не молился Ему, святотатствовал, служа греху, то душа его после смерти не найдет Бога, не способна будет ощутить Его. Лишенная Божественной жизни, ради которой был создан богоподобный человек, неудовлетворенная душа его начнет тосковать, мучиться в большей или меньшей степени... Ожидание воскресения тела и Страшного суда будет увеличивать радость благочестивых и скорбь нечестивых».

Архиепископ Лука говорит о состоянии человеческой души после смерти следующее: «В бессмертной душе человеческой после смерти тела продолжается вечная жизнь и бесконечное развитие в направлении добра и зла».

Самое страшное в этих словах архиепископа то, что в момент смерти тела уже определилось ВСЕ дальнейшее развитие души в направлении к добру и злу. В загробном мире перед душой две дороги – к свету или от него, и душа после смерти тела уже не может выбирать дорогу. Дорога predetermined жизнью человека на земле.

Архиепископ Антоний говорит то же самое и напоминает, что возможности души после смерти ограничены. Вот его слова: «Продолжая жить после смерти тела, душа всем своим существом располагает полностью личности и самосознания. Она чувствует, сознает, воспринимает, рассуждает... Однако не будем забывать того, что душа вне тела – неполный человек, потому что не все, возможное людям, возможно их душам. Несмотря на то, что души после смерти тела облада-

ют полностью личности и совершают все психические функции, возможности их ограничены. Так, например, человек живя на земле, может покаяться и более или менее изменить сам свою жизнь, от греха вернуться к Богу. Душа же сама не может, хотя бы и хотела, коренным образом измениться и начать новую жизнь, которая совершенно отличалась бы от ее жизни на земле, приобрести то, чего она не имела, будучи человеком.

Именно в таком смысле надо понимать слова о том, что за гробом нет покаяния. Душа живет там и развивается в том направлении, которое начала на земле».

Епископ Феофан Затворник пишет о загробном мире следующее: «Внутри или в глубине мира, нам видимого, скрыт другой мир, столь же реальный, как этот, либо духовный, либо тонко материальный – Бог знает... но известно, что в нем живут святые и Ангелы. Душа стремится вверх, но только до той степени, какую допускают ее духовные силы. Вокруг души теперь все новое. Она может мгновенно переноситься куда захочет, может проходить сквозь стены, двери, сквозь все материальное...»

Повествование Священных Книг и рассказы наших современников, заглянувших за завесу загробного мира, почти идентичны. Описываются одни и те же восприятия и феномены: прохождение через темный туннель, свет, способность мгновенно преодолевать любое пространство и проходить сквозь все материальное, сжатие времени, безуспешные

попытки контакта с живущими на земле, видение своего тела со стороны. Потусторонняя природа – растения, животные, птицы, небесная музыка, хоровое пение описаны и там и здесь.

Зрительное воплощение вышесказанного я увидел в фильме Винсента Уорда «Куда приводят мечты». Кстати, этот фильм получил премию Оскар за лучшие визуальные эффекты.

Вернувшиеся «оттуда» рассказывали о встречах с разными духовными существами. Они видели своих прежде умерших родственников и других близких людей, патриархов, святых, Ангелов, «гидов». Христианство тоже обещает встречу с умершими любимыми и учит, что душу умершего очень скоро встретит Ангел-хранитель и встречный Ангел, которому нужно молиться при жизни. Ангелы будут направлять и сопровождать душу при ее первых шагах в новом мире.

Однако в то время как современные нам свидетельства говорят главным образом о радостных встречах и светлых духах, христианские источники пишут о другом. Очень рано душу встретят уродливые и страшные существа. Они будут преграждать ей дорогу, будут покушаться на нее, грозить и требовать свое. Злые духи могут принимать любую форму, чтобы, давая лживые советы, направить душу на неверный путь.

Труды реаниматоров показали, что очень скоро после по-

падания человека в потусторонний мир перед ним проходят картины его теперь уже прошедшей земной жизни. Это дает возможность просмотреть и переоценить свою жизнь в теле. Христианство тоже знает об этом просмотре прошедшей жизни, но смысл его понимает иначе и называет его посмертными мытарствами, где взвешиваются добрые и злые поступки, совершенные человеком в земной жизни, которые и определяют дальнейшую судьбу души умершего.

Из допущенных в рай и повергнутых в ад
Никогда и никто не вернулся назад.
Грешен ты или свят, беден или богат —
Уходя, не надейся и ты на возврат.

О. Хайям

Чтобы понять в чем смысл жизни, надо понять и осознать, что такое смерть... Вы действительно хотите того, чего Вы хотите?

Юрий Логачев, www.logachev.info

«Приучите себя к мысли о смерти...»

Возможно, вы удивитесь: слова, вынесенные мною в заголовок, принадлежат перу... Михаила Зощенко.

Ваше удивление вполне резонно. Действительно, казалось бы, известный писатель-сатирик, классик жанра сатиры и юмора вдруг даёт вовсе несоответствующие своему амплу советы. Я сам когда-то, играя в любительском театре, читал со сцены зощенские «Баню» и «Аристократку» и не думал, что когда-нибудь смогу столкнуться в творчестве любимого писателя со столь серьёзными его размышлениями.

Восемь лет писал Михаил Зощенко свою «Повесть о разуме» (1935–1943), и она, по его же признанию, стала «его главной книгой». И неспроста первый вариант названия повести – «Перед восходом солнца». В ней писатель показал себя философом и психоаналитиком. Он анализирует собственные невроты и тяжёлые сновидения, разбирается в причинах болезненного состояния великого Гоголя и бесстрашия Александра Матросова. И приходит к одной важной мысли, ради которой и взялся за перо.

Мысль эта, вывод, сделанный Михаилом Зощенко, в том, что человеку жить полноценной жизнью мешает... СТРАХ. Липкий, раздирающий душу страх перед лицом небытия. Страх, доводящий некоторых людей (парадокс!) до самоубийства.

В «Повести о разуме» размышлениям об отношении к смерти посвящена целая глава. И квинтэссенция её содержания в том, что необходимо приучить себя к мысли о смерти, свыкнуться с ней; тогда уйдёт страх, мешающий жить.

«Помятуйте, братия, о смертном часе!»... (Александр Сазанов, «Российский ритуально-духовный журнал «Реквием»).

Вот отрывок из нее. ...Отношение к смерти – это одна из величайших проблем, с какой непременно сталкивается человек в своей жизни. Однако эта проблема не только не разрешена (в литературе, в искусстве, в философии), но она даже мало продумана. Решение её представлено каждому человеку в отдельности. А ум человеческий слаб, пуглив. Он откладывает этот вопрос до последних дней, когда решать уже поздно. И тем более поздно бороться. Поздно сожалеть, что мысли о смерти застали врасплох. Один немецкий антифашистский писатель рассказал мне удивительный случай. Друг этого писателя попал в застенок. Его там пытали. Но он выдержал пытку. А когда он столкнулся с тем, что он должен был умереть – душа его дрогнула. Мысль о смерти впервые пришла к нему. Она застала его врасплох, когда он был слаб и измучен. Эта мысль так его устрасила, что он отказался от своей идеи, чтобы спасти свою шкуру. Из тюрьмы он прислал покаянное письмо, с отчаянием разъясняя, что с ним случилось.

Рассказывая об этом случае, писатель сказал мне:

– Я раньше думал, что вопросы смерти мы должны предоставить писателям старого мира. Нет, мы должны писать о смерти. Мы должны думать об этом вопросе не меньше, чем люди думают о любви.

Это, несомненно, так. И вы сейчас увидите – почему.

Почти все мемуаристы, говоря о Гоголе, отметили в нём страх смерти.

А П. Анненков пишет, что «лицезрение смерти ему было невыносимо».

Гоголь не был, конечно, здоров, но он всё же был в удовлетворительном ещё состоянии, когда однажды он близко столкнулся со смертью. Умерла сестра поэта Языкова, с которой Гоголь был дружен. Он был потрясён и поражён этой смертью. Сам факт смерти так на него подействовал, что это заметили все окружающие.

Доктор Тарасенков пишет: «Смерть её не столько поразила мужа и родных, как поразила Гоголя... Он, может быть, впервые здесь видел смерть лицом к лицу...»

Видимо, это замечание современник Гоголя было правильным. Нет сомнения, Гоголь видел смерть, но здесь он, быть может, впервые по-настоящему задумался о ней. И тогда, как он сам признался своему духовнику, на него «напал страх смерти».

Уже на первой панихиде, вглядываясь в лицо умершей, он (по словам А. С. Хомякова) сказал: «Всё для меня кончено...»

И действительно, с этого дня Гоголь был в постоянном расстройстве. И, вероятно, думая о смерти и о прожитой жизни, он однажды сказал: «Всё чужь, всё ерунда...»

Он заболел. По словам П. А. Кулиша, он заболел «той самой болезнью, от которой умер отец его, – именно на него нашёл страх смерти...»

Через несколько недель Гоголь умер. Мы описывали его конец. Это была смерть без борьбы, это была безропотная смерть, стремление к смерти. Страх присутствовал в чувствах. Он ускорял и приближал развязку. Он действовал в той губительной степени, какая была замечена окружающими.

Но ведь подобный страх испытывал не один только Гоголь. Его испытывают многие люди, большинство. Об этом страхе и даже ужасе перед фактом смерти нам подробно сообщают – история, мемуары, письма.

Потёмкин – фаворит Екатерины – буквально «выл от страха смерти». Современники писали о нём: «Малодушный страх и ужас смерти обуял его, он стал хандрить и тосковать».

Императрица Елизавета Петровна «ужаснулась смертью» и даже стала пить, чтоб рассеять страшные мысли об этом.

Царь Михаил Фёдорович, задумавшись о конце, «впал в неподвижность» и умер «от многого сиденья, холодного питья и меланхолии, сиречь – кручины».

Смерть ужасала людей. И люди высокого таланта не в

меньшей степени поддавались этому страху.

Сестра композитора Глинки пишет: «Он так боялся смерти, что до смешного ограждал себя от всяких малостей...»

Тоска раздирала Мопассана, когда он писал: «Что бы мне не делали, всё равно придётся умирать. Во что бы мы ни верили, к чему бы ни стремились, мы всё-таки должны умереть. Чувствуешь себя раздавленным тяжестью сознания...»

Л. Н. Толстой, ужасаясь, писал: «сорок лет работы, муки и успехов для того, чтоб понять, что ничто не существует, и от меня останутся только гниль да черви...»

Толстой впоследствии изменил своё отношение к смерти, и эта запись его нам тем более интересна, хотя бы для сравнения, которое мы сделаем ниже.

Устрашённый смертью Блок писал, желая, должно быть, скорей увидеть финал:

«Когда ж конец? Назойливые звуки
Не станет сил без отдыха внимать.
Как страшно всё! Как дико!
— Дай мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять...»

Итак, мы видим, что страх в непомерной степени присутствует при столкновении со смертью, даже при мысли о ней.

Причём мы видим, что этот страх обескураживает людей, делает их покорными, робкими, беспомощными. Он обезоруживает и делает их ещё более податливыми смерти.

Как сказано у Шекспира:

«...Страх смерть влечёт,
Но смерти мы покорные рабы,
От страха ей отдавшись
без борьбы...»

Это есть точные и верные слова. Страх лишает возможности бороться. Он ускоряет гибель. Быстрее, стремительней ведёт к концу.

Заставая же нас врасплох или в болезненном состоянии, страх тем более беспощаден. Именно он более, чем что другое, «влечёт нас к смерти».

Это отлично знают люди, которые были на войне. Я помню в ту войну солдаты, усмехаясь, говорили: «Пуля найдёт труса». И это, в самом деле, так. Ибо устрашённый человек поступает неразумно, бестолково. Он тычется, как слепой, без учёта обстановки. Страх парализует его, лишает гибкости, сопротивления. Такой человек делается физически слабым, беспомощным, суевливым. И тогда пуля скорее находит его.

И это в одинаковой мере относится и к условиям обычной мирной жизни. Устрашённые, трусливые люди погибают скорее. Страх лишает их возможности руководить собой.

Значит, и в этих случаях, так сказать – «в норме», разум должен прийти на помощь. Он должен уничтожить страх.

Да, но как это делается? Легко сказать: не надо бояться смерти. Извольте уговорить человека, что смерть не так

страшна. Не поверит. Поднимет на смех. И будет, пожалуй, ещё больше страшиться своего конца.

Какой же путь находит разум для того, чтобы уничтожить страх, для того, чтобы не страшиться смерти? А он находит его. Мы убеждаемся в этом на многочисленных примерах абсолютного бесстрашия, удивительного мужества и на тех примерах, которые говорят нам о презрительном отношении к смерти, пренебрежении к ней.

Здесь нет нужды вспоминать прошлое. Мы видим это на многих примерах наших дней.

Можно вспомнить хотя бы комсомольца Александра Матросова, который своим телом прикрыл вражеский пулемёт. Он сделал это сознательно. Он пренебрёг собой. Страх перед смертью исчез, когда возникло желание помочь товарищам, спасти их, добиться победы.

Один офицер Красной Армии рассказал мне не менее поразительный случай.

В землянке, в блиндаже, находилось двенадцать офицеров и два телефониста. Один из офицеров случайно выронил на пол ручную гранату. Граната зашипела. Страшная его небрежность могла погубить его товарищей. Дверь землянки была закрыта. И не имелось возможности тотчас выбросить эту гранату.

Как поступил этот советский офицер? Только несколько секунд оставалось ему для размышления. Он упал на эту гранату. Прикрыл её своим животом. И она, взорвавшись, бук-

важно уничтожила этого офицера. Причём ни один человек в землянке больше не пострадал. Весь удар и всё осколки офицер принял на себя.

Он спас товарищей. Страх перед смертью был ничтожен в сравнении с тем чувством, которое было в сердце этого замечательного человека.

Нет сомнения, таких фактов можно найти немало из истории прошлого и из истории наших дней.

Эти факты говорят о том, что разум, идеи и высокие чувства нередко побеждают страх.

Но ведь мы, говоря о страхе смерти, имели главным образом в виду не исключительные случаи, не те случаи, когда смерть была необходимой для достижения высокой цели. Мы имели в виду не героическую смерть, а смерть обычную, так сказать, повседневную.

Среди случаев этой обычной смерти мы хотели узнать, как поступал разум этих людей для того, чтобы уничтожить страх.

Такие примеры бесстрашного и мужественного отношения к смерти мы находим в большом количестве.

Ломоносов писал перед смертью: «Я не тужу о смерти: прожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют...»

Своему другу по Академии (Штелину) он сказал: «Я вижу, что должен умереть, и спокойно и равнодушно смотрю на смерть. Жалею только, что не мог я совершить всё то, что

предпринял для пользы отечества, для приращения наук и для славы Академии».

Мужественно и просто умирал Суворов. Уже на смертном ложе он, улыбнувшись, спросил Державина, какую эпитафию тот напишет на его могиле.

Наполеоновский министр, знаменитый Талейран, один из умнейших (как мне кажется) людей, писал: «Я понемногу слабею и знаю, как всё это может кончиться. Я этим не огорчаюсь и не боюсь этого. Моё дело кончено. Я насадил деревья, я выстроил дом, я наделал много и других глупостей. Не время ли кончить?»

Л. Н. Толстой (по словам Гусева) сказал: «Почти чувствую возможность радостно умереть».

Репин за несколько месяцев до смерти писал (К. И. Чуковскому): «Пожалуйста, не думайте, что я в дурном настроении по случаю наступающей смерти. Напротив я весел... Прежде всего, я не бросил искусства. Все мои последние мысли о нём... Больше полугода я работаю над картиной «Гопак». Такая досада: не удастся кончить...»

Далее Репин пишет: «В моём саду никаких реформ. Скоро буду копать могилу. Жаль, собственноручно не могу, не хватит моих ничтожных сил, да и не знаю, разрешат ли...»

Таких примеров спокойного и даже деловитого отношения к смерти можно привести немало.

Однако как же поступали эти люди, чтобы уничтожить страх? Что для этого они делали? Как они добились бесстра-

шия?

Одна история, с которой я когда-то столкнулся, подсказала мне решение этого вопроса.

Много лет назад, возвращаясь с охоты, я зашёл в крестьянскую избу. Я зашёл, чтобы выпить кружку молока.

В сенях я увидел крест. Обычный берёзовый крест, который устанавливается на могилах. Видимо, кто-то умер в этой избе. И вот приготовлен крест для покойника.

Я, было, хотел уйти, считая, что я зашёл сюда не ко времени. Но вдруг открылась дверь избы, и какой-то человек, весьма немолодой, босой и в розовых портах, предложил мне войти в дом.

Выпив кружку молока, я спросил хозяина, кто именно здесь умер и где покойник.

Хозяин, усмехнувшись в бороду, сказал: – Никто не умирал. И нет покойника. Что касается креста, то это я для себя приготовил.

Вид у хозяина был далеко не предсмертный. Глаза его светились весело. Походка была твёрдая. И даже на пухлых щеках его играл румянец.

Посмеявшись, я спросил, зачем понадобилось ему такая торопливость.

Снова усмехнувшись, хозяин ответил: – Так. Был исключительный момент. Но потом миновал.

Когда, попрощавшись, я снова вышел в сени, хозяин, похлопав ладонью по кресту, сказал:

– А знаешь, милый человек, когда сей крест мною приготовлен? Семнадцать лет назад.

– Тогда хворал, что ли? – Зачем хворал. Маленько испужался смерти. И сделал себе крест в напоминание. И можете себе представить – привык к нему.

– И страха теперь нет? – И страха нет. И смерти нет. В другой раз интересуюсь умереть – нет, не идёт, проклятая. В свою очередь, должно быть, испужалась моего характера...

И вот, вспоминая эту историйку, я с точностью понял, в чём заключается борьба этого человека со своим страхом. Она заключалась в привычке. В привычке относиться к смерти, как к чему-то обычному, естественному, обязательному. Мысль о смерти перестала быть случайной, неожиданной. Привычка к этой мысли уничтожила страх.

Мы говорили о том, как Гоголя ужаснула смерть. Окружающие увидели эту реакцию. По словам В. С. Аксаковой, окружающие, желая переменить строй мыслей Гоголя, заговорили «о возможности с малых лет воспитать так ребёнка, чтобы смерть не была для него нечаянностью».

Вот это отсутствие «нечаянности» – вот это и есть основной мотив борьбы со страхом.

Нет сомнения, люди, столь спокойно относящиеся к смерти, заблаговременно о ней думали. Мысль о ней не явилась для них неожиданной.

Они видели в смерти естественное событие, закономерность всё время обновляющейся жизни. Они привыкли ду-

мать о ней, как об обычном конце. И поэтому умирали так, как должен умирать человек, – без растерянности, без паники, с деловым спокойствием. И это придавало их жизни какую-то величавость, даже торжественность.

Такое разумное отношение к смерти, быть может, даже удлиняло жизнь этих людей, ибо в их жизни отсутствовал основной противник – животный, не всегда осознанный страх.

Привычка думать о смерти, как о чём-то обычном, естественном, уничтожает страх. Однако эта привычка может создать некоторые даже крайности, пожалуй, ненужные в этом деле.

Мы находим примеры слишком уж спокойного и даже отчасти любовного, нежного отношения к смерти. Это уж, я бы сказал, совершенно ни к чему.

Случаи такого крайнего отношения не лишены, впрочем, комичности и хотя бы по этой причине допустимы в человеческой жизни.

Известный библиотекарь Эрмитажа конца XVIII века И. Ф. Лужков, по словам современников, с необыкновенной любовью и рвением относился ко всяким похоронным делам. Почти ежедневно он присутствовал на отпевании совершенно незнакомых ему покойников. Он бесплатно рыл могилы для бедных. До страсти любил писать эпитафии. И проводил на кладбище иной раз целые дни.

Не довольствуясь этим, он построил себе домик рядом с охтинским кладбищем. И окна его домика выходили на

кладбище, как иной раз выходят в сад.

Лужкову принадлежит нижеследующая эпитафия, высеченная на плите одного его родственника:

«Паша, где ты? – Здесь. – А Ваня? – Подалее немного.

А Катя? – Осталась в суетах». Вот это отношение к жизни, как к какой-то напрасной суете, – вот это и есть та крайняя степень, какая весьма характерна для людей, слишком привыкших к мыслям о смерти. Должно быть, и в этом деле требуется некоторая осторожность и разумная мера.

Так или иначе, и сквозь эти крайности видна некая разумность в отношении к смерти – привычка относиться к ней, как к закономерному естественному концу»...

Михаил Зощенко, Повесть о разуме. «Советская Россия». Москва, 1976

Смерть – последняя станция или проходная?

Неизбежный вопрос. Кому он не известен: есть ли загробная жизнь, или со смертью всему конец? Это первоначальный вопрос человечества. Поэтому этот вопрос стоит перед каждым лично: перед тобою и передо мною. Справедливо пишет лауреат Нобелевской премии Александр Солженицын в своем романе «Раковый корпус»: «Пусть каждый человек принадлежит коллективу, но умереть он должен один».

Этот вопрос стоит лично перед каждым, в особенности, когда нас мучит бессонница, и мысли роем лезут в голову. Или когда наша бурная жизнь приостановится на какое-то время через неожиданную смерть близкого нам человека. Этот вопрос сверлит наш мозг: смерть – последняя станция в нашей жизни, или она только проходная в другую жизнь, в конце концов, даже к Страшному суду, где от меня потребуют отчета за всю мою жизнь? Не является ли смерть только проходной в вечность?

«О, разгадайте мне загадку
Мучительную, вековую загадку.
Скажите мне: что значит человек?
Откуда он пришел? Куда он идет?»

Так спрашивает Генрих Гейне. Так спрашиваем ты и я. Мы должны так спрашивать, иначе мы и не можем. Потому что этот вопрос коренится в глубине нашего существа. У человека есть подсознание, это значит сознание глубокой скрытности всего того, что мы переживаем.

Вопрос о том, существует ли жизнь после смерти, не только неизбежный вопрос, но и чаще всего задаваемый вопрос. Это подтверждено статистическим исследованием. Результат этого исследования особенно показателен, потому что современный человек в большинстве случаев считается человеком, сформированным естественными науками. Научный образ мышления служит для многих поводом понимать человека ограниченно, а именно – только биологически, физически. Нам твердят все снова и снова: человек наших дней не спрашивает о загробной жизни. Но мы должны принять во внимание следующее: римско-католическая церковь в Западной Германии раздала опросный лист среди своих прихожан. Четыре с половиной миллиона заполнили этот лист и возвратили. Среди ответивших были не только верные церкви прихожане, но и равнодушные. Большинство опрошенных назвали самой главной проблемой нашего времени вопрос о загробной жизни. На втором месте стоял вопрос: как может христианин или вообще современный человек преобразовать общество и взаимоотношения между людьми?

Поразительно также и следующее: однажды я выступал перед большим собранием молодежи. В моей проповеди я

коснулся вопроса смерти и вечности. После собрания подошел ко мне один человек и сказал: «Перед молодежью не затрагивайте таких вопросов; молодое поколение уже в силу их юности не заинтересовано такими вопросами». Я бы охотно принял этот совет, если бы я в скорости после этого случая не убедился в противоположном. Дело обстояло так: организаторы недели Евангелия для молодежи хотели знать, какая тема больше всего интересует молодых людей? Был составлен список с двадцатью темами. Потом этот список был роздан 4000 молодым людям с просьбой выбрать три темы и пронумеровать те из них, которые кажутся им важными. При этом опросе на первом месте стояла тема: «Существует ли загробная жизнь». На значительной дистанции, на втором месте, стоял вопрос о любви между мужчиной и женщиной. За благонамеренным советом, данным мне, скрывалась неправильная оценка молодого поколения. Поэтому я имею доброе основание также перед молодым поколением говорить о смерти и вечности и не рассматривать этот вопрос как монополию старшего поколения.

Верность этого утверждения я хочу доказать с разных точек зрения. Я хочу это доказательство вести не теоретически, но практически. Прежде всего, с точки зрения старости.

С разрешения дамы, о которой пойдет речь, я могу процитировать некоторые мысли из ее письма, которое она написала известному проповеднику. Этой даме было 88 лет. Между прочим, она пишет: «Уважаемый господин доктор!..

Я тоже часто думаю о смерти и вечности – и мне неприятны эти мысли. Я стараюсь избегать всего, что только напоминает о смерти; не смотрю на покойников, избегаю присутствовать на похоронах и избегаю всего, что имеет какое-то отношение к смерти. Вы, господин доктор, пишете, что жизнь не кончается со смертью. Как это может быть?.. Я часто остаюсь наедине, и печаль одолевает меня, потому что я не знаю, что будет со мною дальше... и что я должна умереть у чужих людей. Видите, господин доктор, опять эта ужасная мысль».

Я далек от того, чтобы брать на себя роль религиозного судьи. Один только Бог знает наши сердца. Все же я вынужден сказать: эта дама, несмотря на ее 88 лет, находится в бегстве от смерти и омрачена глубоким сомнением относительно загробной жизни. Из всего ее письма не заметно, чтобы Иисус Христос играл для нее какую-то роль в виду смерти и вечности.

Совсем иначе было с моей матерью. Когда моей матери, также как и той даме, исполнилось 88 лет, то в беседе она сказала откровенно о приближающейся смерти: «Я готова, если Господь позовет меня». У моей матери на первом месте стояла не смерть, но Господь Иисус Христос, Который есть Господь над смертью и жизнью. И когда ей исполнилось 90 лет, то она однажды сказала мне: «С каждым днем я все больше готова к встрече с моим Господом». Также и в этом выражении речь идет собственно не об отношении к смерти, но об отношении к Тому, Кто победил смерть.

Кто возразит, что эти дамы в таком возрасте имеют полное право интересоваться смертью, тот может сопоставить двух человек среднего возраста. «Я не хочу думать о смерти, если я думаю о ней, то прихожу в отчаяние» – так сказал недавно по немецкому телевидению известный французский режиссер и артист. Я прямо говорю: кто думает о смерти и знает об Иисусе Христе, как Победителе над смертью, тот не должен бояться смерти и тем более отчаиваться при мысли о смерти.

Известный мученик Дитер Бонхефер является примером непоколебимой веры. Когда его казнили в 39-летнем возрасте в Флоссенбурге, его последними словами к заключенному сотоварищу были: «Это конец, но он и начало жизни». Невольно напрашивается вопрос: как мы относимся к этим свидетельствам? Какие последствия извлекаем мы лично для себя? Ты и я – мы не можем уклониться от этого вопроса, если мы мысленно представим превосходство истинных христиан в этом вопросе. Этим я хочу сказать: Иисус Христос дает верующим превосходство над неверующими не только в наши дни, но так было и в прошлом. И для этого я должен привести вам пример. Я не беру какую-либо личность, но я ссылаюсь на одного человека, который, как философ, основательно занимался проблемой смерти и загробной жизни. Этим человеком был француз Вольтер. Он был насмешником над христианством, был рационалистом. Тем более имеет большое значение его последняя исповедь: «Я не нашел удовлетворяющего меня ответа. Я не разыгрываю

из себя незнающего – я и есть незнающий».

Мы знаем от очевидцев о его тяжелом конце. Говорят, что Вольтер сказал стоящим вокруг него: «Вы виноваты, что я в таком состоянии». Не примите это, пожалуйста, за преувеличение, но как достоверное свидетельство очевидцев, которые ручаются, что Вольтер сказал на смертном одре: «Я чувствую руку, которая берет меня и ведет на суд Божий». Высказывания Вольтера были письменно зафиксированы. Поэтому у меня нет никакого основания сомневаться в том, что он даже сказал: «Я вижу ад». Мне кажется, что мы слишком упрощаем, приписывая все это бреду в горячке. Нет, Вольтер был в ясном сознании.

Какой непохожей была смерть известного американского евангелиста Д. Муди. Уже перед смертью он выразил желание: «Когда я умру, то я прошу вас: не печатайте открытки соболезнования с черным рантом, но с золотым, потому что я иду в город с золотыми улицами». Когда неожиданно приблизился его последний день, вдруг он сказал: «Земля отступает назад, небо открывается». Потом он определенно добавил: «Нет, это не сон! О, как прекрасно! Здесь не долина тени смертной! Бог зовет меня, и я должен идти!»

Какая разительная разница со смертью Вольтера, когда Муди говорит в день своей смерти: «Сегодня день моей коронации! Теперь я иду к торжеству. Этого дня я давно ожидал». Определенно подчеркивается, что он был при полном сознании.

Разницу в смерти верующего и неверующего или равнодушного можно показать на многих таких примерах, так что этого нельзя отрицать. Какое превосходство христианина в отношении к смерти выражено в следующем факте. Основатель богадельни «Вифлеем» старец Фридрих фон Бодельшвинг был уже у порога вечности, когда он в последний раз посетил своего 90 летнего друга, пастора Куло. На второй день пастор Куло отошел в вечность. Бодельшвинг приветствовал его такими словами: «Дорогой брат, какие мы счастливые люди, что мы уже так близко у дверей вечности!» Сын Бодельшвинга сообщает: «И потом они запели стих из духовного гимна:

«День дню говорит:
жизнь моя – жизнь странника в вечность.
О, вечность прекрасная, —
Мое сердце привязано к тебе,
Моя родина не здесь».

Но все же, может быть, вы возразите. Конечно, между этими свидетельствами большой контраст. Надо также согласиться, что с верою в Иисуса Христа безусловно легче умирать. Но два вопроса остаются без ответа:

1. Существует ли загробная жизнь?
2. Облегчение в смерти через веру в Иисуса Христа не покоится ли все же на благочестивом самовнушении?

Коснемся коротко этих вопросов. Существует ли действи-

тельно загробная жизнь?

На этот вопрос можно ответить с разных точек зрения. В 1973 году я проповедовал в Индии. Я имел со многими индусами контакт. Я могу заверить вас: я не встретил ни одного индуса, который не верил бы в жизнь после смерти. В какой форме – это не главный вопрос. Решающим здесь является факт как таковой. В 1974 году мне довелось быть два раза в Южной Америке и там проповедовать. Также и там я имел контакты со многими людьми, в том числе с индейцами, которых мы посетили в их колонии. Конечно, среди многих миллионов найдутся и такие, которые являются материалистами и атеистами. Но это не изменяет факта, что подавляющее большинство было уверено в жизнь после смерти. Как в Индии, так же и в Южной Америке я не встретил ни одного, кто оспаривал бы эту истину. Невольно навязывается вопрос: неужели они все ошибались в своей первоначальной уверенности, что есть жизнь после смерти? Также и у нас, в так называемом христианском Западе, на протяжении 1700 лет была всеобщая вера всех христиан, что есть загробная жизнь. Только с пришествием философии материализма в разнообразных ее вариантах отвергается жизнь после смерти и утверждается окончательное и тотальное уничтожение человека смертью.

Но ныне мы замечаем, что стены материализма с его лозунгом: «Со смертью все кончается!» очень пошатнулись через все больше увеличивающееся развитие парапсихологии.

Под этим понимается научное и критическое исследование трансцендентных событий и явлений. Нельзя не задуматься над тем, что больше тридцати процентов людей свидетельствуют, что в их жизни бывали такие трансцендентные феномены в той или иной форме.

Я, с моей стороны, не имею дерзости отвергать эти свидетельства как воображение или даже как блеф. Наоборот, я знаю, что Священное Писание повествует о явлении мертвых. Например, явление мертвых в связи с воскресением Иисуса Христа из мертвых. Или вспомним о преображении Иисуса Христа, где явились Моисей и Илия (Мф. 27, 52–53; Мф. 17, 1–9).

Библия говорит об откровениях, о голосах, о воплощениях и т. д. Кто в этом отношении хочет освободить Библию от «мифов», т. е. хочет отвергнуть эти повествования как ложные и недействительные, тот этим самым доказывает, как мало он занимался этой областью. Я мог бы привести много доказательств влияния невидимой реальности на видимую реальность. Из этой полноты я привожу только два мало известных факта.

Август Виниг, губернатор Восточной Пруссии, приобрел известность через свои популярные книги. Он рассказывает следующее. Однажды он проповедовал в городе Штутгарте. Когда он был уже в гостинице и лежал в постели, вдруг ему явилась неожиданно его умершая мать в телесном образе, в каком он сохранил ее в памяти. Когда он хотел коснуться

ее, то милый ему образ неожиданно исчез. Хотя я в этом не сомневаюсь, но следующее явление из загробного мира было еще убедительнее, потому что две личности независимо друг от друга пережили это.

Вюртембергский священник И. ехал на дрожках в долину Ремсталь. Рядом с ним сидел кучер, крестьянин Н. Подъехав к возвышенности, они оба слезли, чтобы облегчить лошадей. Священник шел в нескольких метрах позади дрожек. Он рассказывает: «Вдруг рядом со мною появился человек, которого я хорошо знал, потому что он был из моей деревни. Он снял шапку и говорит:

– Добрый вечер, пастор! Я пришел сказать вам, что вы должны скоро вернуться домой. В пятницу вам предстоят похороны. В лесу случился несчастный случай. При рубке леса погиб один человек.

Это был крестьянин В. Я спросил его: – Вы ради этого пришли сюда? Но ответа я на этот вопрос не получил. Он вдруг исчез.

Когда мы на второй день достигли нашей цели, то там ожидала меня телеграмма от моей жены, в которой она сообщала, что крестьянин В. трагически погиб при рубке леса».

Это рассказ пастора. Из этого следует, что крестьянин В., который беседовал по дороге с пастором, был тем самым трагически погибшим. Оба, пастор и кучер, знали его и опознали его. Эти явления ничего общего не имеют со спиритизмом, но эти явления усугубляют факт, что есть загроб-

ная жизнь. Здесь речь не идет о доказательстве того, что есть другая, потусторонняя действительность, но здесь речь о том, что Библия в этих вопросах заслуживает нашего полного доверия.

доктор философии Герхард Бергман,
«Вера и жизнь», № 4, 1981

Правда о смерти

Один пожилой человек гулял по улицам своего родного города Флоренции (Италия). Ему встретился счастливый молодой человек. Его радость отражалась в каждом движении. Старец спросил его о причине ликования. Юноша объяснил, что он закончил обучение в университете и получил диплом. «Это были трудные годы, но сейчас начнется новая жизнь».

«Очень хорошо, – а что дальше?» Парень ответил, что как раз сейчас он идет к ведущему адвокату города, потому что у него начнется его карьера. «Очень хорошо, – кивнул головой старик, – а что дальше?» – «Потом я намерен приобрести славу, богатство, сделать себе имя во Флоренции». – «Надеюсь, так оно и будет, – согласился старик, – а что потом?» – «Потом? Наверное то, что и со всеми. Жизнь придет к концу». – «Действительно так. А что дальше?» На этот вопрос ответа не нашлось, и каждый пошел своей дорогой. Но юношу этот вопрос не оставлял в покое: а что дальше? Что будет, когда я умру?

Те, кто только начинает жизнь, не думают о конце. Но кто уже прожил три-четыре десятка лет, начинают осознавать, как быстро уходят годы.

«Ты дал мне дни, как пяди, – обращается к Богу Давид (пядь – расстояние между концами растянутых пальцев: большого и указательного – всего-то!), и век мой как ничто

пред Тобою» (Пс. 38, 4–5).

Жизнь кратковременна, даже если человек достигает старости. Моисей, проживший 120 лет, жалуется: «Ты возвращаешь человека в тление и говоришь: «Возвратитесь, сыны человеческие!» Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел, и как стража в ночи. Ты как наводнением уносишь их; они – как сон, как трава, которая утром вырастает, утром цветет и зеленеет, вечером подсекается и засыхает; ибо мы исчезаем от гнева Твоего и от ярости Твоей мы в смятении... Все дни наши прошли во гневе Твоем; мы теряем лета наши, как звук. Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим» (Пс. 89).

А что же дальше? Есть ли жизнь после жизни? И какая?

Лев Николаевич Толстой пишет, что, не находя ответа на вопросы жизни и смерти человек решает проблему, во-первых, не думая об этом. Это выход неведения. Не знать, не понимать, не думать, не говорить о смерти, о смысле жизни.

Другие идут путем наслаждения. Это выход эпикурейства. Зная безнадежность жизни, они пользуются ее благами, насколько это возможно. Их лозунг: «Будем есть, пить и веселиться, потому что завтра, может быть, умрешь». Такие люди хотят заставить себя и других поверить в то, что они смерти совсем не боятся.

Греческий историк Геродот рассказывает об одном инте-

ресном египетском обычае. На собраниях богатых египтян после окончания пира слуга часто проносил среди гостей гроб, в котором находилось изображение трупа, вырезанное из дерева и раскрашенное таким образом, чтобы как можно более походить на мертвеца. Слуга, раскрывая гроб, показывал это изображение каждому из гостей и говорил: «Загляните сюда! А теперь пейте и веселитесь, ибо такими вы будете, когда умрете».

Третье решение – выход силы и энергии. Поняв, что жизнь – зло и бессмыслица, уничтожить ее. Молодые люди, которые, собственно, еще и не жили, говорят, что уже устали от жизни и уходят от нас через самоубийство.

И еще одно решение – выход слабости. Всё понимая и сознавая, тянуть ляжку. Мучиться до конца.

Все это так непохоже на радостное ожидание верующими встречи с Богом, о чем так много говорит Библия. Верующий надеется на Бога в этой жизни, но этим надежда не ограничена землей. Она выходит за пределы этого мира, за пределы смерти. Есть жизнь после жизни.

Что на самом деле происходит после смерти? Может быть, я впадаю в сон и затем возвращаюсь в какой-то другой форме, то есть перевоплощаюсь? А где продолжается мое существование: на небе или в аду? Что человек делает между смертью и воскресением? Что переживает? Каково его состояние?

Наверное, многим из нас приходилось размышлять об

этом, когда кто-то из наших близких испытывал тяжелую утрату. Дети могут спрашивать: «А где бабушка? А что она сейчас делает? А она встретилась с дедушкой? Она видит нас? Знает, о чем мы говорим?»»

Если бы человек состоял из одной только материи, такие вопросы были бы излишними. В момент смерти, когда формировавшая его материя утратила бы прежнюю структуру, личность бы исчезла. Но человек – существо духовное. Его жизнь продолжается.

Традиционная точка зрения заключается в том, что часть человека переживает смерть. Нематериальная душа продолжает жить, пребывая в сознательном личном состоянии. Тело в это время разлагается. При Втором пришествии Христа произойдет воскресение обновленного или преобразованного тела, которое воссоединится с душой.

Библия говорит: «Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный. Оттого мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище; только бы нам и одетым не оказаться нагими. Ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем, потому что не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью» (2 Кор. 5, 1–4).

«Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие. Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бес-

смертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою» (1 Кор. 15, 53–54).

Что же делает человек (или его нематериальная сущность) до времени воскресения? Или что он делает сразу после смерти?

Есть несколько теорий, которые пытаются дать ответы на эти вопросы, объяснить, что делает душа после смерти. Вероятно, вы слышали о чистилище. Согласно учению о чистилище умершие в состоянии греховности попадают сразу в ад, где немедленно осознают, что окончательно и безвозвратно погибли. Люди, чистые в момент смерти, немедленно попадают прямо на небо. А те, кто не достиг совершенства, кто не искупил свои прегрешения, и, с другой стороны, не заслуживает ада, попадают в чистилище. Там душа очищается через страдание и потом восходит в небо.

В Библии очень трудно найти поддержку этой доктрине. Слово «чистилище» ни разу не упоминается в ней. Если Бог простил нас, очистил, нет нужды думать о каком-то посмертном очищении.

Согласно учению о мытарствах душа в течение первых двух дней наслаждается свободой и посещает дорогие ей места на земле, а потом перемещается в иные сферы, проходит через легионы злых духов, которые обвиняют ее в различных грехах (на каждом из мытарств истязуется тот или иной грех). Пройдя через мытарства, душа 37 дней посещает небесные обители и адские бездны, еще не зная, где она

останется, а на сороковой день ей назначается место до воскресения мертвых, а до этого еще возможно изменение в состоянии душ, благодаря поминовению, молитвам.

Третью теорию можно назвать «сном души». Душа, согласно этой теории, в период между смертью и воскресением пребывает в бессознательном состоянии. Или же происходит своего рода угасание души. Человек просто прекращает свое существование до времени воскресения всех людей. Стихи из Библии, говорящие о смерти как о сне, казалось бы, поддерживают этот взгляд (Библия часто использует образ сна для смерти).

Священное Писание, однако, несколько раз говорит о личном, сознательном существовании в период между смертью и воскресением. Можно прочесть притчу Христа о богаче и Лазаре (Лк. 16, 19–31) или обещании разбойнику на кресте (Лк. 23, 43).

Если смерть и уподобляется сну, то это не буквальное описание состояния мертвых, а метафора (сравнение по внешнему сходству – умерший напоминает спящего; он так же освободился от трудов; он также будет воскрешен, как и спящий пробуждается). Причем мы описываем состояние (внешний вид) тела, но то, что составляет основу самосознания, нематериальная сущность человека продолжает жить. Может быть, при этом человек еще не принимает участия в жизнедеятельности нового мира, к которому теперь принадлежит.

Он, если мы говорим о верующих, отдыхает от земных тягот, трудов, скорби, боли и особенно греха. Он видит Христа во славе, слышит хвалебные гимны, радуется, разделяет с Господом Его славу. Апостол Павел существование после смерти приравнивает к пребыванию с Господом (2 Кор. 5, 1–10; Флп. 1, 19–26). Таким образом, мы думаем, что после смерти верующие немедленно попадают в место и состояние блаженства, неверующие – в место, где они переживают страдания, муки и наказание. Может быть, после всеобщего воскресения и суда что-то изменится в интенсивности переживаний верующих и неверующих, но, в сущности, положение не изменится.

Еще раз хочу повторить: о смерти и состоянии после нее мы знаем немного. Библия уделяет особое внимание другой теме – примирению с Богом. Жизнь так коротка, и надо успеть решить вопрос, определяющий наше вечное состояние. После смерти уже ничего изменить в своей вечной участи нельзя. Сегодня мы принимаем решения, которые определяют нашу будущность. Сегодня мы можем перейти в жизнь.

Ф. Достоевский описывает размышления осужденного к смерти преступника: «Если бы пришлось жить на высоте, на скале, на узенькой площадке, где только две ноги можно поставить, а кругом – мрак, пропасть, океан, вечное уединение и вечная буря – и оставаться там 1000 лет, вечность, то лучше так жить, чем сейчас умереть. Как бы ни жить, – только

бы жить».

Библия говорит: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3, 16). Когда мы приходим к Богу, когда каемся в грехах своих, когда верую принимаем Иисуса Христа, Он дает нам жизнь, жизнь, которая будет длиться вечно.

Один из индейских вождей Северной Америки, когда ему рассказали о Христе, ответил: «Иисусова тропа, может быть, и хороша, но я шел всю жизнь нашей древней индейской тропой, и останусь на ней до конца». Годом позже, умирая, человек этот тщетно пытался найти какое-нибудь утешение для своей души. И, наконец, не выдержав ужасной борьбы, в полном отчаянии, он призвал к себе того же проповедника и едва слышно спросил: «Могу ли я еще и теперь перейти на Иисусову тропу? Моя собственная тропа здесь обрывается и нет у нее выхода на ту сторону смертной долины».

Атеист Бертран Рассел сказал: «Вокруг тьма, а когда умру – тьма будет и внутри. Нет красоты, нет свободы, только ничтожество, нет ничего».

Все это так непохоже на радостное ожидание верующими встречи с Богом, о чем говорит Библия. Верующий надеется на Бога в этой жизни, но этим надежда не ограничена. Она выходит за пределы этого мира, за пределы смерти. Есть жизнь после жизни. Те, кто с Богом, имеют жизнь вечную. Смерть побеждена и подчинена Богу. Смерть служит

Божьим планам и не может разделить нас с Ним. «Верующий в Иисуса имеет жизнь».

Реальность смерти

Есть интересная статистика. Из ста человек все сто умирают... Действительно, неизбежность смерти – неоспоримый факт для каждого человека.

Кто-то хорошо сказал: «Смерть – единственное, что мы определенно знаем о жизни. Фактически все человечество сидит в камере смертников».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.